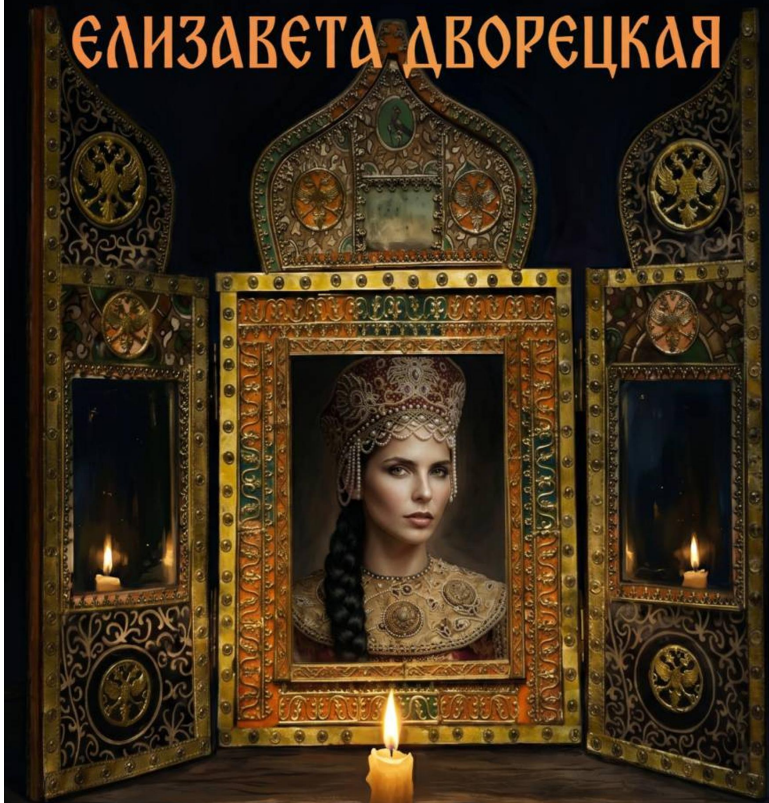

ЕЛИЗАВЕТА ДВОРЕЦКАЯ

ЗЕРКАЛО ЦАРЕВНЫ

Елизавета Дворецкая

Зеркало царевны

<https://litres.ru/74322199>

SelfPub; 2026

Аннотация

Непростое зеркало хранилось в сундуке покойной бабки Федоры: посмотрит из него неведомая царевна, то улыбнется, то нахмурится, то пальцем погрозит, судьбу предрекая. Однажды в осеннюю полночь Ульянка поставила свечу перед волшебным зеркалом, пытаясь увидеть наконец будущего жениха. Но заглядывать на тот свет опасно – не только ты видишь его, но и он видит тебя...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Елизавета Дворецкая

Зеркало царевны

Елизавета Дворецкая

Зеркало царевны

(рассказ)

– Замуж... нет... Замуж... нет... Замуж...

Малашка шла вдоль Кириллова тына, хлопая рукой по каждому колу – пока не дойдет до конца и последний кол не обозначит ее судьбу. В холодном темном небе светила полная луна – Покров¹ нынче совпал с полнолунием, разве ж можно такой случай упустить? На рассвете шел мелкий и колкий снег, и хотя уже к полудню от него ничего не осталось, зима подала весть о скором приходе. Близились пора сватовства и свадеб, и те из юных жительниц села Зольни, что до сих пор сидели в девках, очень хотели знать, дождутся ли сватов до Рождественского поста².

– Замуж... Нет! – с горьким отчаянием воскликнула Малашка, стукнув последний кол, будто он был виноват. – Ульянка, ну что ж это такое! Опять мне нету доли!

– Скучно ты гадаешь! – со смехом ответила ей Ульянка,

¹ Праздник Покров Пресвятой Богородицы, 14 октября (здесь и далее даты даны по новому стилю).

² Рождественский пост длится с 28 ноября по 6 января, в это время свадеб не играют.

ждавшая у другого края тына. – Надо по-другому.

– Как?

– Как Авдотья гадала на прошлые Святки. Смотри!

Ульянка подняла руку хлопнула по первому колу:

– Молодец... вдовец... молодец... вдовец...

– Удалец! – смеясь, крикнула ей из-за спины подруга, Домна.

– Удалец! – повторила Ульянка. – Купец! – нарекла она следующий кол. – Кузнец!

– Ловец! – давась от смеха, подсказала Домна.

– Ловец! Э... Жнец!

– Слепец!

– На ну тебя, зачем мне слепой муж! Чтец! Швец!

– Гонец!

– Храбрец!

– Лыстец!

– Певец!

– Скупец!

– Себе скупца возьми, надо мне очень! Мудрец!

Так они перебрали, сгибаясь от хохота, лжеца, глупца, гордеца, пловца, шельмеца, сорванца, юнца, пришлеца... Ульянка уже больше держалась за колья, чем хлопала по ним, а Домна шла сзади и все подсказывала новых «женихов».

– Чернец!

– Беглый, что ли? Все равно грех!

– Это будет беглец. Не хочешь – тогда огурец!

– Это я что же буду – огурчиха? Ой, Матерь Божья! Помрешь с тобой!

Вперемешку перечисляя это пестрое общество, путаясь и повторяясь без всякого порядка, Ульянка добралась до конца тына.

– Стрелец, беглец, пришлец, боец...

– Мертвец! – вдруг сказала Малашка, когда рука Ульянки зависла над последним колом.

– Да ну тебя! – Ульянка отдернула руку. – Напророчишь тоже!

– Все это грех – судьбу пытаться! – так же обиженно ответила Малашка. – Отец Николай осуждает. Говорит, кто гадает, тот с самим луканькой, бесом лукавым, спознается.

– У отца Николая есть попадья! – ехидно напомнила Домна.

Все знали, что Малашка зачастила на службы к Петру и Павлу, в сельскую церковь, с тех пор как прибыл на смену почившему отцу Феофану молодой отец Николай. С рыжеватыми пышными волосами, ясным лицом и приветливым взглядом, тот сразу понравился всем бабам, и даже кое-кто из девок стал провожать его глазами, хотя, разумеется, у попа имелась попадья, матушка Клавдия.

– А без гадания замуж не выйти! – продолжала Домна. – Отец Николай, что ли, тебе женихов искать будет? – понизив голос, зашептала она. – Пока сама не постарайшься, ничего

тебе не будет.

– Да почему ж это?

За соседним тыном залаяла собака, встревоженная их голосами, и все три разом обернулись на звук.

– На восход! – определила Домна.

– У дядьки Терентия нет женихов!

– Какие ж деревни в той стороне? Жадино да Иводь. Оттуда ждать...

– Не, ты скажи, почему без гадания не выйдешь?

– Ты не слышала, как моя бабка Федора об этом говорила? – спросила Ульянка.

– Нет. Я ее и не помню почти.

Малашка была помоложе подруг года на три, заневестилась только что.

– Да, ты еще с малыми девчонками сидела, – вспомнила Домна. – А она, пока была жива, нас к себе по зимам на беседы пускала. Федора была бабка богатая, ей наши подношения без надобности, а только, говорит, вы мне будете летом огород полоть, и приходите, сидите.

– Да ей скучно было одной, а тут мы, – подхватила Ульянка. – Болтаем, смеемся, она сама нам рассказывала много всякого про старые времена. Как она девкой была, как замуж выходила. Она сама тоже гадала тогда, – снова зашептала Ульянка. – Однажды, зим пять или шесть назад, буран был такой, что только вдоль тына пробираться, мало кто на беседу пришел...

– Ты, да я, да Катерина с Авдотьей, да Прокопова Машка, – подхватила Домна. – Больше никого не было.

– Сидим ты тихо, прядем, слушаем, как метель шумит, ветер воет, только свеча трещит, – полусшепотом рассказывала Ульянка, поглядывая на луну и звезды. От вида полной луны на тихом небе, среди темного, тихого села ей было страшно-вато, хотелось уйти от взгляда этого желтовато-серебряного глаза. – Баба Федора и принялась рассказывать. Она вот что говорила. – Ульянка глубоко вдохнула, собираясь с мыслями. Она поняла бабу, мать своего отца, но с трудом подбирала слова, чтобы объяснить Малашке. – Она говорила, что суженый – он не просто так у всякой девки есть. Пока так сидишь – ничего у тебя нет.

– Это как грибы искать, – попыталась помочь Домна. – Может, и есть в бору тот гриб, что тебе назначен, да коли ты в лес не пойдешь, он сам к тебе не явится.

– Ну, вроде того, – согласилась Ульянка, подавив смех от мысли, что жених сидит в бору, во мху, накрывшись грибной шапочкой. – Может, он где и есть, может, в Беглово или в Живоди, да только его надобно сперва зацепить и к себе притянуть, его нитку со своей связать, а тогда и сватов ждать. А цепляют – через гаданье. Тут любой способ годится, но чем точнее узнаешь, тем вернее сбудется. Если не гадать, жениху дорожку не казать, так и он бобылем промается, и ты век в девках просидишь. Или свяжетесь с другими, будете не со своей долей оба горе мыкать.

– Чтоб судьба решилась, на тот свет надо заглянуть, – опять подхватила Домна.

– Страшно!

– А ты как хотела? Волков бояться – и грибов не собрать, а то ведь не гриб... – Домна, да и Ульянка с ней заодно, снова фыркнули, вообразив жениха-боровика. – Это судьба твоя. За нее и постараться можно.

– Анфуска вон тоже все греха боялась – так в девках и осталась, теперь уж кто ее возьмет. А Катерина гадала, и Авдотья гадала на Святки – вот все у них и сладилось. Я тоже буду.

Ульянка была младшей из трех дочерей Сергея Митрофановича, по прозвищу Осина. С прошлых Святков вышли замуж две ее сестры. На Катерину, самую старшую, давно заглядывался Севастьян, сын богача Силантия из Ежово. Силантий все хотел себе сноху побогаче Катерины, но летом вдруг оказалось, что некому жать: бабушку скрутил утин³, старшая невестка принесла двойню и все болела – Силантий сказал, сватайтесь к кому хотите, лишь бы отдали побыстрее. На апостолов Петра и Павла⁴ Севастьяна с Катериной повенчали. Тут возликовала и Авдотья, вторая сестра: она давно водилась с Андреяном, парнем своего же села, но среднюю дочь не выдадут вперед старшей, вот они и ждали, пока Катерина уйдет с дороги. Андреян посватался сразу, как окончи-

³ Утин – народное название радикулита.

⁴ День апостолов Петра и Павла (12 июля).

лась страда, чтоб никто дорожку не перебежал – не он один дожидался, пока красивой Авдотье придет пора под венец. Свадьба была совсем недавно, и подружки еще хорошо помнили все действо и суету, плач и причитания. А Ульянке с тех пор не давало покоя ожидание: теперь ее черед! Вот-вот для нее запоют, завеличают, впервые в жизни назовут не Ульянкой, а Ульянушкой Сергеевной!

Но кто это будет? С кем она встанет на рушник под благословение родительское?

– Мы на Святки гадали, – шептала она Малашке и Домне в тишине под Кирилловым тыном. – Верею слушали, как скрипит. Катерина услышала, будто кнутом хлопает, загоревала – не быть ли за пастухом, вот унылое будет житье! А это она слышала, как будут коней погонять, когда снопы с поля повезут после ее свадьбы. Авдотья услышала, будто молот бьет – Андрияшка как раз у кузнеца в подручных. Обрадовалась, а Катюня ей в досаде говорит: да ты придумала, чего хотела услышать, то и услышала. Та ей – нет, мы когда годом раньше кур в курятнике брали, мне черная попалась, а Андрияшка волосом черен. Катька ей: не только волосом, еще и рожа черная после кузни, как у чер... – Ульянка прикрыла рот рукой, чтобы не помянуть нечистого, – у головешки какой! А вот – году не прошло, у обеих все сбылось!

– Так а ты, – теребила ее Малашка, – ты-то что услышала?

– А я... невнятное что-то. Будто даже колокол...

– Ой! К похоронам! – вырвалось у Малашки.

– Авдотья мне говорит: быть тебе за попом! – Ульянка усмехнулась. – Да где ж у нас тут взять неженатого попа!

Все три вздохнули, помолчали.

– Машка Прокопова зовет на росстань⁵, на воловьей коже сидеть, – сказала Домна. – Да ей Машка Савельева сказала: ни за какие коврижки, хоть озолоти меня, хоть царского сына дай – не пойду на росстань. Уж больно страшно!

– Ради царского сына я б пошла! – усмехнулась Ульянка. – Ничего тебе на росстани не сделается. Главное, не забыть хлеб и нож на кожу положить и тем ножом кругом очертиться – никто к тебе туда не войдет. А, Малашка! – Она подтолкнула подругу. – Пойдем на росстани сидеть, смотри, вон и луна какая! Выслушаем себе по сыну царскому, боярскому!

– Да ты только на словах такая смелая!

– А вот и нет!

– Что же не пойдешь?

– Я уж сколько раз... Глубоко моя судьба запряталась. – Ульянка вздохнула, вспоминая прошедшие годы, напрасные попытки выцепить судьбу. – Когда кур брали – мне рыжая с белым попалась, пеструшка, а где же такого парня найдешь? Был в Беглово один рыжий – на тамошней женился. А ходили у прохожих имя спрашивать – как пришел мой черед, я выхожу, только слышу – идет кто, рот открываю, гляжу: а это отец Николай! Я и заробела, он бы разбранил. Так и смолча-

⁵ Росстань – перекресток дорог в поле или в лесу.

ла. А теперь вон...

Ульянка прикусила губу изнутри: вспомнила, что Кириллов тын, у которого они так и стояли, напороочил ей «мертвеца». Не надо было так уж смеяться. Молодец, вдовец, купец, кузнец... Да кузнецов неженатых в волости вроде больше нет, а купцу приданое богатое подавай... Сергей же, хоть и был хозяином толковым и достаточным, при трех дочерях и четверых сыновьях горы злата раздавать не мог.

Они немного поспорили, можно ли считать, что жениха зовут Николаем, если она не задала вопроса, а сама знает имя встречного. По улице прошли два мужика, с любопытством поглядели на девушек, спросили у Малашки, дома ли отец. Мужики прошли, и девушки следом тронулись дальше.

«Да ну, глупости!» – успокаивала себя по дороге Ульянка. Хоть на беседах в долгие темные вечера любят рассказывать всякие страсти про гостей-мертвецов, она никогда не слышала, чтобы в Зольне, или в Ежово, откуда родом мать, или в Свитони, куда вышла замуж ее тетка Катерина, хоть один мертвец пришел на самом деле. Лежат они на погосте у Петра и Павла, не шелохнутся...

Три подруги шли мимо большой избы, пустой и тихой: ни дымом, ни навозом возле нее не пахло, за оконцем не мерцал свет. Перед воротами все три невольно остановились, вспоминая свой разговор. В этой избе жила когда-то Феодора Васильевна, мать Ульянкиного отца. Была она рода старинного в этих местах и богатого. Сама вырастила семерых детей,

доживала век при младшем, Якове, да он умер раньше ее, а вдова молодая вышла замуж в другое село. Бабка осталась одна, жить к себе никого не звала, хотя сыновья с невестками и подросшие многочисленные внуки всякий день приходили к ней работать по хозяйству. Ульянка ей чем-то полюбилась больше других, и бабка разрешала ей еще при своей жизни выбрать что-то из платья и старых ее украшений, что самой бабке уже было не нужно, для будущего приданого. Умерла она два года назад, и с тех пор изба стояла пустая. Хотели в нее переселиться и многодетный дядя Захар, и Василий – старший сын дяди Дементия, но дело не ладилось: кого сны томили нехорошие, а кого и домовый душил: не принимает, значит. Так изба и пропадала даром, а была хорошая, просторная. Проходя мимо, Ульянка вздыхала тайком, вспоминая бабкины пироги и семейные застолья по праздникам, когда собиралось столько народу, что детей загоняли на печь и на полати. Она помнила, как девчонкой лет семи смотрела с печи на сватов, пришедших за младшей теткой, окрещенной чудным именем Анимаида, и как тетя Аня, согласная на замужество, ковыряла печь⁶ прямо возле свесившей голову Ульянки. Тогда та лишь радовалась зрелищу и еще не думала: когда же мой черед? Ох, как давно это было!

⁶ Согласная принять сватовство невеста не говорит этого вслух, а принимается ковырять печь: в этом очень глубокий архаичный смысл, намек на прощание с родовыми чурами, живущими в печи.

Сидела бы я, девушка,
Ровно двадцать лет,

– вдруг запела неугомонная Домна.

Любила бы молодчика
Семнадцати лет...

– Куда тебе такого молодого, нельзя! – обернувшись к ней,
со смехом сказала Ульянка.

– Восемнадцати лет! – поправилась Домна.

И они запели вместе:

Такого хорошего,
Что и в свете нет!
Личико румяное,
Ровно маков цвет.
В кафтанчик лазоревый
Миленький одет.
Глазки его ясные,
Словно самоцвет.
Как пришло мне с миленьким
Расставаньице –
Немил мне и белый свет!

Проводив Ульянку до Сергеева двора, Малашка ушла к

себе, Домна еще немного задержалась.

– Я знаю, что была то за курица, – загадочно сказал она, когда Малашка скрылась в густых сумерках.

– Курица?

– Ну, рыжая с белым, какую ты тогда с насеста сняла. У моей тетки Ирины в Иводи есть племянник – сам рыжий, а зимой, как загар сойдет, лицом белый как сметана, только в конопушках...

– Ой, нет! Мне такого не надобно.

– Ой, подруга, еще осень-зиму так просидишь, и не такому будешь рада. Чтoб только не как Анфуска... А то что-то ловля наша не ладится.

– Видно, нужно посильнее удилица. Куры, колья, петухи – вздор все это.

– А что не вздор?

– А вот что... Говорят, самое верное гадание – это с зеркалом.

– С зер... ой, окстись! – Домна перекрестилась. – Коли смотреть в тот свет, то в зеркале он самый и есть! Отец Николай как-то говорил – попам дома зеркала иметь и запрещается, потому что оно грех!

– Мы-то с тобой не попы! А смотреть и надо в тот свет. Пока через тот свет жениху дорожку не проложишь, – совсем чуть слышно зашептала Ульянка, – не найдет он тебя.

– Да у нас и зеркал-то в селе ни у кого нет! Экая ведь диковина! Может, у боярынь да у цариц водится. А у нас

лохань с водой. И то страшно.

– Зеркало-то есть! – зашептала Ульянка в самый платок склонившейся к ней Домны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.